

В последнее время крупные СМИ активно распространяли новости о смерти Е Наньфэна, главы корпорации Цзинтэн, одного из четырёх ведущих предприятий Шанцзина.

Одни говорили, что это было убийство, другие — что убийство на почве ревности, ведь председатель Е был невероятно красив, его появление на улицах производило эффект, не уступающий звёздам первой величины. Конечно, находились и те, кто считал, что он пал жертвой внутрисемейных разборок, возможно, даже от рук собственного отца.

Какое-то время слухи и догадки не утихали, хотя последняя версия многим казалась маловероятной. В конце концов, даже тигр не съедает своих детёнышей, что уж говорить о людях?

Этот человек, казавшийся баловнем судьбы, занял высокий пост, обойдя собственного отца, и всего за год взял бразды правления корпорацией Цзинтэн в свои руки, устранив все внутренние разногласия.

Всего за пять лет он прочно утвердил Цзинтэн на вершине, выше трёх других предприятий. Самое удивительное — завершив этот путь, ему было всего двадцать восемь. И в двадцать же восемь его жизнь оборвалась.

Такой, казалось бы, безупречный человек, во всех отношениях баловень судьбы, вызывающий уважение и восхищение. Увы, реальность была иной.

Его достижения действительно были очевидны для всех, но каждый раз, когда звучало его имя, те, кто его знал, невольно вздрагивали.

В кругу знакомых его имя было словно табу, никто не хотел его произносить. Даже услышав новость о его смерти, те, кто его знал, пусть и не кричали сразу «Отлично!», в душе смеялись и восклицали: «Замечательная кончина!»

Будь он героем или злодеем, такая личность стоила внимания прессы, суля медиа всплеск интереса и хорошую прибыль. Если бы можно было, эти издания с радостью сообщили бы о смерти Е Наньфэна несколько раз подряд.

Несмотря на поток слухов и домыслов, внутри семьи Е все хранили гробовое молчание, никто не осмеливался обсуждать случившееся, словно в семье никогда и не было такого человека.

Е Наньфэн ещё не открыл глаз, но уже чувствовал, как всё тело болит так сильно, что хотелось кататься по полу. Увы, даже эта простая мысль была сейчас недостижима. Попытавшись пошевелиться, он ощутил, будто его переехал грузовик, и полностью обессилел.

Неужели это тело тоже погибло под колёсами? Если даже смерть одинакова, то слова о высокой степени сходства, сказанные тем голосом, и вправду были правдой. Раз смерть

одинакова, то и сходство должно быть высоким.

Поскольку он не мог двигаться и у него не было сил открыть глаза, он просто прислушался к окружению. Стоит признать, здесь было слишком тихо. Е Наньфэн даже начал сомневаться, не находится ли он всё ещё в загробном мире, иначе почему так тихо, что не слышно даже насекомых?

Чуть погодя он почувствовал себя немного лучше, но боль никуда не делась. Однако просто лежать и ждать смерти было не выход.

Хотя он уже умер однажды, получив шанс снова жить, он не хотел возвращаться в то пустое безмолвие. Значит, надо открыть глаза и оценить ситуацию.

Собрав все силы, он наконец выполнил сложнейшую задачу — открыл глаза, ощутив при этом странное удовлетворение.

Комната, в которой он оказался, была обставлена довольно хорошо. Мебель — красное дерево, а картина на стене, «Одинокая гора вдали», по его оценке, стоила на рынке не меньше двухсот тысяч. Вещей было мало, но каждая — дорогая.

Судя по всему, статус этого тела был не низок. Неужели он, как и он сам, пал жертвой грязных семейных дел?

Е Наньфэн мысленно усмехнулся, вдруг почувствовав, как в сознании что-то мелькнуло. Он не стал уделять этому внимания — сейчас важнее всего было поскорее выйти из этого состояния.

То, что мелькнуло, вероятно, были воспоминания прежнего хозяина. Он не ожидал, что его душа настолько сольётся с телом, что за такой короткий срок память тела откроется ему.

Ещё через некоторое время Е Наньфэн почувствовал в руках немного сил, но лишь немного — хватило, чтобы пошевелить одним пальцем. Если ждать, пока восстановятся все силы и можно будет ходить, он, возможно, умрёт во второй раз, ведь сейчас он ужасно голоден.

Е Наньфэн подумал: «Неужели, прожив всего час, снова придётся ждать смерти? Да ещё и такой унижительной, как смерть от голода».

При этой мысли его бледное, но всё ещё юное и миловидное лицо мгновенно стало холодным и безнадежным. Он даже не знал, какую гримасу сделать.

Если, вернувшись к жизни, он снова будет наблюдать за собственной гибелью, оставшись в одиночестве, без поддержки, вселяя страх в окружающих, как он смирится с этим? Он не желал возвращаться в то вечно белое загробное место.

Загробный мир, в который он попал, не был таким, как в народных сказаниях — тёмным, сырым и мрачным. Там было белое пространство, простирающееся до бесконечности. Сколько ни иди — не уйти, перед глазами — лишь белизна. Конечно, возможно, это и не загробный мир был.

Если небеса не дают надежды на жизнь, он создаст её сам.

Е Наньфэн попытался пошевелиться, собрав всю волю, и наконец смог медленно сдвинуться.

Он посмотрел на фарфоровый чайник на столе в центре комнаты и с трудом пополз к нему.

Казалось бы, всего несколько шагов, в обычное время — пара секунд, но сейчас это давалось невероятно тяжело.

Кто бы мог подумать, что Е Наньфэн, чьё имя люди боялись произносить и который был патологически брезглив, однажды будет ползти по полу, чтобы сделать глоток воды и выжить.

Е Наньфэн прополз лишь половину пути, как услышал шаги. Звук приближался, шаги были неровными, словно за человеком гнался хищник.

Вскоре шаги раздались у самой двери. Услышав их, Е Наньфэн немедленно перестал ползти. Он просто лежал на полу, уставившись в потолок, словно впад в прострацию.

Он мысленно усмехнулся: «Неужели после одной смерти я стал ценить жизнь больше, чем достоинство?»

Впрочем, даже если пол выглядел чистым, на самом деле он был грязным, и лежать на нём было неприятно. Он лишь надеялся, что человек за дверью — Уго.

Это имя внезапно всплыло в памяти. В воспоминаниях Е Наньфэна это был слуга прежнего хозяина тела.

Шаги вошли в комнату. Он увидел мальчика лет одиннадцати-двенадцати, который вбежал впопыхах и быстро прикрыл за собой дверь.

В руках он что-то держал. Увидев Е Наньфэна на полу, он поспешно сгрузил свою ношу на стол, и слёзы сами потекли из его глаз.

Не успев как следует положить то, что нёс, он бросился поднимать Е Наньфэна.

— Господин, почему вы на полу? Что с вами? Пожалуйста, не пугайте меня.

Говоря это, он помог Е Наньфэну подняться и осторожно усадил на кровать.

Уго хотел уложить его, но тот остановил его. Сейчас он больше хотел есть.

Уго, увидев это, забеспокоился:

— Господину нехорошо?

Е Наньфэн хотел было покачать головой, но, решив сэкономить силы, тихо ответил:

— Нет.

Однако, едва прозвучав, его собственный голос вызвал у него отторжение. Он был ужасен.

Голос был не только слабым и безжизненным, но ещё и детским, неопределённого пола.

Кстати, Е Наньфэн пока не понимал, что происходит. Он даже не знал, мужчина он или женщина. Мысль об Уго возникла лишь потому, что в какой-то момент в сознании всплыли воспоминания об этом человеке.

Услышав, что всё в порядке, Уго успокоился. Усадив Е Наньфэна, он быстро подошёл к столу и взял что-то из еды.

В руках у него была тарелка с пирожными, завернутыми в квадратный белый платок. Выглядели они довольно аппетитно.

Е Наньфэн не стал церемониться и сразу отправил одно в рот.

Несмотря на зверский голод, он ел аккуратно и сдержанно, тщательно пережёвывая. Даже будучи столь юным, с бледным лицом, он выглядел как картина, от которой невозможно отвести взгляд.

Уго, подавая пирожные, одновременно наливал воду, боясь, что тот подавится.

Вскоре Е Наньфэн проглотил все десять пирожных, что повергло Уго в изумление и вызвало у него чувство вины и жалости.

Если бы его господин не был так измождён голодом, обычно он съедал такое количество пирожных не быстрее, чем выпивается чашка чая, а не за несколько мгновений.

<http://bllate.org/book/15521/1379505>